

I.2 Последствия и импликации украинской революции 2013-2014 гг.

Максим Гацков

«Евромайдан» как кризис легитимности и будущие вызовы украинскому обществу

1. Как (не)понимать

В своих прежних размышлениях «О революции, которой не было»¹ я выдвигал тезис, что к острым фазам трансформационных процессов, начавшихся на посткоммунистическом и постсоветском пространстве в 1989/91 годах – и в частности к украинскому Майдану-2004/05 – в научной дискуссии не следует применять концепт революции. И даже в социально-философской публицистике, несмотря на то, что она менее связана терминологическими обязательствами и может, таким образом, отпустить мысль в более свободный полет, я бы отказался от разговоров о революции (революциях). На примере событий Майдана-2013/14, начавшегося как «Евромайдан», я хочу снова вернуться к этому тезису. На этот раз я предлагаю более эмпирически ориентированную аргументацию, с целью дополнить ту концептуальную полемику, с которой я выступил в своем первом эссе.

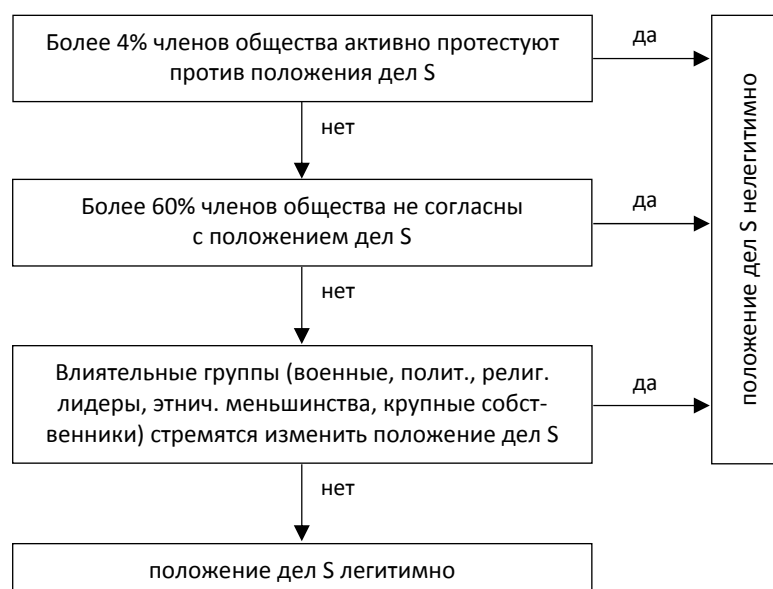
Сразу оговорюсь: я не вижу ни политического резона, ни научных оснований отказываться от революционной риторики на самом Майдане (или в других очагах протеста в постсоветских странах), а также при освещении соответствующих событий в СМИ. Было бы глупо убеждать участников конфликта вычеркнуть слово «революция» из своего лексикона и стереть его со своих знамен. Однако это другой – общественно-политический – дискурс, и другая логика – логика конфликта. Ученым же (и, шире, интеллектуалам) в анализе произошедшего и рефлексии по поводу дальнейших сценариев следовало бы, на мой взгляд, обращаться к более беспристрастному концептуальному инструментарию социальных наук. Не в последнюю очередь, чтобы позже не приходилось пересматривать поспешных оценок: в случае, если ожидаемых принципиальных изменений не произойдет, как это вышло с Майданом-2004/05 – так называемой «оранжевой революцией». Ведь некоторые из сценариев развития событий, которые на данный

¹ Gatskov M. Über die Revolution, die es nicht gab. Ein Plädoyer gegen den Revolutionsbegriff von 1989 // Revolution?! Farbe, Erinnerung, Theorie nach 1989 / Ed. M. Gatskov, T. Wagensohn. Berlin, 2009. P. 15-29.

момент нельзя исключать, могут иметь вовсе не «революционный» характер: распад украинского государства (или превращение его в что-то наподобие федерации Боснии и Герцеговины), дефолт и пятилетка экономической депрессии (со всеми вытекающими последствиями в сфере коррупции, криминала, идеологической поляризации общества и т.д.) и, наконец, просто возвращение на «круги своя», как это дважды случилось в Кыргызстане: после так называемой «тюльпановой революции» 2005-го и «революции» апреля 2010-го года, которая осталась уже и вовсе без цвета и цветов. Не в последнюю очередь Украина может учиться на ошибках у Грузии, в том числе в плане военного конфликта с территориально-этнической мафией и взаимодействия по этому поводу с Западом.

Мне представляется, что общая аналитическая канва для понимания и объяснения Майдана-2013/14, его развития и последствий, может быть наиболее адекватно задана концептом легитимности. Определяя легитимность как *восприятие в обществе положения дел как правомерное и справедливое, или хотя бы оправданное и приемлемое*, мы быстро и легко получаем доступ к мотивации протестного движения в Украине, причем на всех (до сих пор) четырех этапах его развития.

Так получилось, что в преддверии Майдана-2013/14 я подал в журнал Института социологии Национальной академии наук Украины статью, в которой в том числе вступал с украинскими коллегами в дискуссию на тему легитимации². Текст был опубликован уже после смены власти президента Януковича – и то, как эта смена произошла, подтвердило, как мне кажется, правильность направления моей мысли. В статье я предложил следующую (рабочую) операционализацию концепта легитимности:

² Гацков М. Эпистемологические основы аналитической социологии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2014. № 1. С. 146-172. Ср. также реплику на мою статью 2011 года А. Рахманова: Рахманов А. Еще раз о проблеме легитимации частной собственности в православии // Социология: теория, методы, маркетинг. 2012. № 1. С. 148-155.

2. Утрата властью легитимности в ходе Майдана-2013/14

Обращаясь к предложенной схеме, этапы развития Майдана-2013/14, приведшего к смене власти в феврале 2014 года, можно охарактеризовать следующим образом. На первом этапе, начавшемся в конце ноября 2013 года, значительное количество граждан Украины посчитало отказ политического руководства страны от подписания Соглашения об ассоциации с ЕС *неоправданным и несправедливым*. Немаловажно, что уже и до этого подавляющее большинство украинцев не доверяло президенту и другим органам власти³, но это недоверие было скорее диффузным и в этом смысле привычным, поскольку и предшественники Януковича на президентском посту имели не менее низкий рейтинг. Однако резкая остановка проевропейского курса сделала недоверие граждан конкретным и осознанным, а их несогласие со сложившейся ситуацией стало достаточно сильным, чтобы выражаться в протестных действиях. Поэтому уже на первом этапе развития событий мы можем говорить о том, что исполнительная власть поставила в результате принятого решения свою легитимность под вопрос (исходя из предложенного выше определения). Поскольку ввиду подконтрольности Верховной Рады и судебной системы Янукович и его сподвижники исходили из *отсутствия легитимной процедуры для оказания на них давления*, они не спешили предпринимать прямые или косвенные действия, направленные на восстановление своей легитимности.

Как быстро выяснилось, такая процедура все-таки была: «Майдан». Протестный лагерь на площади Независимости в Киеве как неформальный политический «институт» был легитимирован Майданом-2004/05, который дал, во-первых, некий готовый шаблон протеста: ведь что такое «Майдан» – слово, которое, возможно, как *Perestroika*, теперь войдет в мировой политический словарь, – никому в Украине не нужно было объяснять. Во-вторых, итогом пресловутой «оранжевой революции» были новые выборы президента, а выборы – это настолько фундаментальный элемент демократической легитимации власти, что победа Майдана-2004/05 непосредственно увязывалась с последующей легитимной конституционной процедурой (правда, неудачное правление «оранжевых» эту увязку позже значительно нивелировало).

Теперь, в ретроспективе, мне представляется, что жесткость разгона остатков «Евромайдана» с площади Независимости в ночь на 30 ноября 2013 была обусловлена непониманием тех, кто принимал это решение, что в то время никаких 4% настроенных на активный протест (не только по всей стране, но и даже в самом Киеве) на тот момент не было, легитимность власти оставалась под вопросом: ее действия все еще воспринимались как неоправданные и несправедливые

³ В 2010 году 30,9% населения Украины доверяли президенту «полностью» или «скорее доверяли», в 2013 эта доля сократилась до 10,9% (репрезентативные данные опросов Института социологии НАН Украины). На всякий случай замечу, что уровень доверия государственным институтам не равнозначен уровню несогласия с существующим положением дел.

более 60% населения. Я также склонен предполагать, что проявленная жесткость была в некотором смысле попыткой свою легитимность снова укрепить, доказав (хотя бы себе), что при всей непопулярности власть «в силе». В результате 30 ноября начался второй этап Майдана-2013/14: агрессия со стороны милиции была воспринята уже как *неприемлемая*. Причем если кто-то в стране и воспринимал это «избиение младенцев» хотя бы как *правомерное* (по принципу «пусть в этом не было необходимости, но власть по крайней мере имела право»), то осуждение этого инцидента самим же президентом Януковичем – очевидно, что этот жест был неудачной попыткой остаться в стороне, «в белых одеждах» – лишило власть последнего остававшегося у нее «ингредиента» легитимности: насилия «в соответствии с законом». Тем более что мобилизация провластными кукловодами бойцовских групп «титишек» для противодействия протесту все дальше выводила ситуацию за пределы закона. Так, к несправедливости, неоправданности и неприемлемости ситуации добавилась ее неправомерность, и следующая попытка эту правомерность восстановить – путем принятия Верховной Радой репрессивных законов 16 января 2014 года – лишь зацементировала нелегитимность режима Януковича.

Таким образом, правящая команда своими руками перевела Майдан-2013/14 на третий этап: число предпринимающих активные действия перевалило за 4%, а количество несогласных с положением дел в стране перевалило, вероятно, за три четверти. Множественные факты насилия, вплоть до убийств активистов, все дальше подталкивали радикально настроенные группы взять в руки оружие, что в конце концов и произошло. После расстрелов десятков человек в центре Киева снайперами в течение двух дней, последней попыткой вернуть ситуацию в легитимное русло, предпринятой под давлением Запада и при посредничестве трех министров ЕС, было соглашение от 21 февраля 2014. Как быстро выяснилось, активно протестующие это соглашение не были готовы принять, так как лидеры парламентской оппозиции не имели (причем, с самого начала протеста) достаточной легитимности в их глазах, чтобы принимать непопулярные на Майдане решения: в частности, отказаться от требования безотлагательной отставки президента Януковича.

Бегство президента из страны ознаменовало четвертый этап – передачу власти оппозиционным политикам под неформальным контролем Майдана. После официального осуждения Януковича и его подельников руководством Партии Регионов и начала работы «новой» Верховной Рады и переходного правительства положение дел снова стало легитимным. Однако эта легитимность с самого начала была и остается очень хрупкой – и это, на мой взгляд, главный вызов украинскому государству.

3. Диагноз и прогнозы

Разумеется, предложенный в предыдущем разделе краткий обзор событий ноября 2013 – марта 2014 года с точки зрения легитимности не отображает *механизмов* развития протеста на микро- и мезоуровнях. Но, как я и заявлял выше, моей целью в данном случае является не глубинное, а общее понимание происходящего: такое, которое позволит выстроить аналитическую цепочку на макроуровне⁴, с целью сформулировать некоторый относительно стабильный *диагноз* в условиях быстро сменяющихся друг друга политических «раскладов», а также *прогнозы* на будущее.

Диагноз мой таков: Украина оказалась в ситуации, когда положение дел, балансируя на грани легитимности к осени 2013 года, вскоре стало нелегитимным после отказа руководства страны подписать Соглашение об ассоциации с ЕС и разгона «Евромайдана». В течение трех месяцев президент Янукович и его команда не были способны восстановить свою легитимность. Здесь, кстати, следует вспомнить о 15 миллиардах долларов кредита вкуче с примерно 30-процентной скидкой на газ, обещанных президентом Путиным на неформальных и закрытых переговорах с президентом Януковичем в декабре 2013 года. Этот «подарок» Украине имел большой потенциал для восстановления *приемлемости* положения дел и даже *оправданности* в глазах большинства («временного») отказа от европейской интеграции – что было отмечено не только в России и в Украине, но и многими международными политическими комментаторами как очередной крупный внешнеполитический успех Путина. Однако одного только подкупа для восстановления легитимности оказалось не достаточно, а поскольку сподвижники Януковича не только не сумели предпринять никаких фланкирующих действий, но и вскоре попытались принять пакет репрессивных законов, подкуп не сработал вовсе.

Отсюда можно сделать дополнительный содержательный штрих к диагнозу. После падения режима Януковича ситуация балансирует на грани легитимности по политическим *и* по экономическим причинам. Поэтому, несмотря на понимание украинцами тяжести сложившейся экономической ситуации и готовность затянуть пояса, которую они могут высказывать, например, на политических ток-шоу⁵, любые обоснованные подозрения в несправедливости и неправомерности

⁴ При этом, по сравнению, например, с тем же подходом Хантингтона, мой подход остается достаточно «приземленным». Безусловно, можно рассматривать Майдан-2013/14 и последующие события с точки зрения повышенной вероятности культурных конфликтов, вплоть до войн, на «цивилизационных разломах» (ср. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2005), но такой подход, хоть он и не безоснователен, в нашем случае мало что дает в практическом плане. Примечательно, кроме того, что «теория цивилизаций» Хантингтона нашла живой отклик в современной российской идеологии «русского мира», «православной цивилизации» и проч.

⁵ Конкретно на самом популярном на данный момент политическом ток-шоу в Украине «Шустер live» от 28.03.2014, 68 из 100 человек аудитории (сам Шустер заявляет, что состав аудитории каждый раз соответствует среднему распределению социально-демографических характе-

действий – а говоря проще, в казнокрадстве и непрозрачности принятия финансовых решений – представителей верховной власти могут быстро обернуться делегитимацией власти. С другой стороны, в силу того, что третий этап Майдана-2013/14 является, по сути, апогеем институциональной деградации украинского государства, в котором не нашлось способов и сил разрешить конфликт мирно, политическая оправданность и приемлемость действий власти остается под большим вопросом.

По результатам опроса, проведенного в начале апреля 2014 года компаниями Baltic Surveys/Gallup и Rating Group Ukraine, поддержка действий и.о. президента Украины Турчинова составила 46% (или чуть более половины украинцев, если не учитывать не давших однозначного или никакого ответа), а правительства во главе с Яценюком – на несколько процентов выше. Действия Верховной Рады, избранной еще при Януковиче в октябре 2012 года, получили поддержку на уровне 39% (и соответственно 44% без учета не ответивших или не ответивших однозначно)⁶. Таким образом, в общем и целом уровень поддержки балансирует где-то в области 40-50%. При этом нужно учитывать, что немалая доля поддержки объясняется характерным для всякой новой власти краткосрочным кредитом доверия (легитимности) и чрезвычайностью сложившейся ситуации. Любая относительно серьезная ошибка, а также отсутствие видимых успехов в ближайшем году грозит разрушить легитимность в течение считанных недель.

Отсюда можно перейти к прогнозам. Поскольку я не рассматривал микроуровневые механизмы и ситуация в настоящее время развивается очень бурно, в том числе находясь под сильным (монетарным, военным, медийным и др.) воздействием сил извне Украины, конкретные предсказания на данный момент невозможны. Однако мой подход позволяет вести речь о коридоре возможностей. Взгляд на положение дел с позиции легитимности, как бы ни хотелось верить в «демократическую революцию», «пробуждение гражданского сознания» и «национальное сплочение», склоняет к выводу, что этот коридор очень узок. Ведь вопрос заключается не в том, «что такое хорошо, а что такое плохо», а в *каких рамках руководство страны может изменять ситуацию*. Похоже, что значительная часть настоящей и будущей смуты не мотивирована напрямую действиями нынешней власти, а представляет собой выплескивание в общественное пространство накопившихся «прошлых обид». Образующееся отсюда множество противоположных устремлений различных организованных сил (политических партий, олигархических кланов, церковей и мн. др.), а также широких групп населения делают – на фоне всеобщего недовольства и напряженности, – самым вероятным сценарием на ближайшие два года (а) политическое и экономическое пробуксовывание. Если власти за это время удастся сохранить легитимность через осторожные, но

ристик по всей Украине и посему условно репрезентативен) высказали «готовность к лишениям ради спасения страны от банкротства».

⁶ Public Opinion Survey. Residents of Ukraine // International Republican Institute. April 2014. <http://www.iri.org/sites/default/files/2014%20April%2024%20Survey%20of%20Residents%20of%20Ukraine%2C%20April%203-12%2C%202014.pdf>. Последнее посещение 1.05.2014.

последовательные реформы, то в конце кризиса политические силы обретут более четкие и предметные контуры, а экономическое развитие выйдет на путь оздоровления. Несколько менее вероятными мне представляются (б) более позитивный или (в) более негативный сценарий: (б) скорый выход из политического кризиса, консолидация общества и относительно быстрое продвижение экономических реформ или, наоборот, (в) политическая сумятица, региональная дезинтеграция и стагфляция в экономике. Наконец, довольно маловероятным – но вполне возможным – мне представляется (г) полное государственное фиаско Украины, которое произойдет в результате перманентного кризиса легитимности, когда власть не сможет провести необходимые реформы, в то время как различные активно протестующие группы (на Майдане или в регионах) будут регулярно разрушать институциональное равновесие, а экономика уйдет в глубокую рецессию.

На сегодняшний день есть сигналы, что путинская Россия проводит и будет проводить курс на реализацию сценария (г). К сожалению, на данный момент я вижу не много предпосылок, которые могли бы помочь Украине это дестабилизирующее влияние «переварить». Но такие предпосылки, безусловно, есть.

4. За и против

Пять лет назад я проводил семинар с участием украинских и немецких студентов и аспирантов в формате «аналитической фабрики» (think tank). Тогда, осенью 2009 года, на протяжении недели мы интенсивно прорабатывали возможные сценарии развития Украины на ближайшие годы. Основной тезис, который был сформулирован в результате, звучал следующим образом (формулировка, чтобы наиболее отвечать критерию фальсифицируемости, была сознательно заострена): *Если Украина в ближайшие 15 лет не получит перспективы вступления в ЕС, то она территориально расколется*. Более того, один из вариантов тезиса звучал как «...будет расчленена Россией». Мы опубликовали аргументы и «за» и «против» такого развития событий, а также сопутствующие тезисы о вызовах украинскому обществу⁷. Тогда ситуация представлялась скорее как некая глобальная шахматная партия с участием России, США, ЕС, а внутри Украины – олигархических кланов, территориальных идентичностей и консервативных и модернизационных сил.

Дальнейшие проекты 2011-2013 годов, которые обращались к конкретным социальным акторам и конфликтным ситуациям (case studies), показали, что в то время как «наверху» идет некая шахматная партия, определяющим процессом «в

⁷ См. двуязычную документацию проекта: Junge Ukraine und Junges Deutschland debattieren. Tagungsdokumentation // Zentrum Europaeum der Universität Regensburg. 2009. http://www.uni-regensburg.de/europaeum/medien/images/teaser/broschuere_komplett.pdf. Последнее посещение 1.05.2014. Данный и следующие упоминаемые в тексте проекты были реализованы в рамках программы «Поддержки демократии в Украине» Германской службы академических обменов (DAAD).

низах» является повсеместное отчуждение общества от власти и институциональная деградация. Так, очень неоднозначное впечатление на участников проекта 2011 года оказала встреча с неформальной группой в Киеве, которая борется с незаконной, нерациональной и экологически, а также культурно безответственной застройкой города. Методы борьбы этих активистов заставили (в особенности немецких) участников проекта задаться вопросом, насколько они еще согласуются с «цивильностью» гражданского общества (*civil society*). Был поднят вопрос о «за» и «против» протестных действий на грани легальности⁸. Что интересно: всего два с половиной года спустя некоторых из этих активистов я встретил в руководстве штаба Майдана в здании горсовета, причем кое-кто из них примкнул к партии «Свобода» как наиболее пассионарной из всех представленных в парламенте политических сил.

Говоря о «Свободе», хочется упомянуть другое интересное наблюдение, сделанное в Одессе всего за три месяца до начала «Евромайдана». Активисты этой партии, с которыми мы встречались в рамках проекта «Культура конфликта»⁹, формулировали свою критику положения дел в стране практически слово в слово так же, как и видный представитель местного «антифашистского» движения. В результате у меня сложилось впечатление, что содержательные различия в политических «за» и «против» между этими двумя силами минимальны, а истинным источником их противоборства является желание попасть во власть, активно эксплуатируя всеобщее недовольство. Примечательно также, что «антифашист» еще в сентябре 2013 открыто заявлял о создании боевых групп в Одессе, чтобы бороться с «праворадикальными боевиками». Тогда его высказывания воспринимались несколько неправдоподобно и провокативно – пока не начались протесты в Киеве, а в марте 2014 не появились новости, что этот «антифашист» задержан СБУ за организацию «антимайдановских» акций, в том числе в поддержку референдума в Крыму. Сейчас, в ретроспективе, очевидно, что уже за месяцы до неподписания Соглашения об ассоциации с ЕС на сцене висело то самое «чеховское ружье», которое должно было выстрелить в последнем акте. А возвращаясь к предложенной схеме концепта легитимности, можно сказать, что не только более 60% к моменту обострения кризиса в ноябре 2013 были не согласны с положением дел, но уже заранее формировались те самые 4% активно протестующих, которые стали раскачивать ситуацию.

⁸ См. документацию проекта: Mehr Zivilgesellschaft für mehr Demokratie und Lebensqualität [Громадянське суспільство: шлях до демократії та підвищення якості життя] // Zentrum Europaem der Universität Regensburg. 2012. P. 58-65. http://www.uni-regensburg.de/europaem/medien/berichte/ukraine11_mail_webversion.pdf. Последнее посещение 1.05.2014.

⁹ См. Rückblick. Bayhost Ukraine-Seminare 2012/2013. Odessa-Regensburg 2013 // Universität Regensburg. <http://www-app.uni-regensburg.de/Einrichtungen/Bayhost/projekte/ukraine/rueckblick.html>. Последнее посещение 1.05.2014.

5. В завершении еще раз о концептуальном

В своей статье «Украинская "еврореволюция"», опубликованной в предыдущем номере «Форума», Андрей Портнов соглашается с точкой зрения, что тезис о слабости национальной идентичности в Украине аналитически бесполезен и что необходим поиск новых способов и терминов описания украинской социальной реальности¹⁰. Я тоже так считаю, и в качестве одного из таких стержневых аналитических конструктов предлагаю концепт легитимности, продуктивность которого для анализа событий Майдана-2013/14, а также непосредственно предшествовавших и последующих процессов я постарался продемонстрировать выше. Этот концепт, позволяет, помимо прочего, не терять из виду среднесрочную цель – и одновременно средство дальнейшей стабилизации ситуации в Украине: отход от непрозрачного авторитаризма, обновление и консолидация демократических институтов. В современном обществе западного типа стабильная легитимность может быть только демократической – к сожалению, в России многие либеральные интеллектуалы (как, например, журналист Юлия Латынина или режиссер Андрей Кончаловский) до сих пор придерживаются точки зрения, что постсоветским странам необходим мудрый авторитарный правитель, чтобы навести пресловутый порядок, обеспечить экономический рост, воспитать «незрелое» общество и таким образом создать предпосылки для дальнейшей демократизации. При ближайшем рассмотрении, однако, становится ясно, что это – разновидность мышления в терминах «революции»: «революции сверху», «революции государя» и т.п.

По-моему, такая «революция сверху» в Украине (и во всем Советском Союзе) произошла еще в 1980-е годы, и имя того «революционного государя» – осуществившего, правда, «непреднамеренную революцию» – хорошо известно: Михаил Горбачев. На данном этапе Украине важно не повторить опыт России 1990-х, где центральная власть при Борисе Ельцине настолько утратила легитимность, что вынуждена была привести к власти автократа Владимира Путина, который на пятнадцатом году своей власти похоронил и демократию и западный вектор развития России и при этом остается легитимным главой государства с точки зрения предложенной мною концептуализации. Поэтому (как бы каламбурно эта фраза не звучала) мне кажется, что основной задачей «истинных революционеров» в современной Украине является помощь будущей власти не потерять легитимность, подталкивая ее к демократизации и реформам – но не настолько сильно, чтобы эта власть из раза в раз спотыкалась и падала. Такой же стиль поддержки я бы рекомендовал Западу, в первую очередь ЕС, которому не стоит забывать, что помимо правильных ориентиров значительную часть легитимности правительства реформаторов можно и нужно будет обеспечить экономической поддержкой.

¹⁰ Портнов А. Украинская «еврореволюция»: хронологии и интерпретации // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 2. С. 39-53.